

Джон Фуллер

Предисловие

Вопрос

Ave!

Читая труды или жизнеописание какого-нибудь известного мистика, каждый исследователь таинств порой останавливается в смятении и задается вопросом: «Неужели это правда?» Каждый хотя бы однажды переживал подобный миг сомнений.

Еще более тягостные сомнения охватывают нас при обращении к научным работам о мистицизме, таким как «Основы мистического знания» Ресежака¹ или «Многообразие религиозного опыта» Уильяма Джеймса. В сущности, лишь самый скептический подход ко всем велеречивым попыткам истолкования тех велеречивых словес, в которые облачают мистики пережитый ими опыт, способен удержать нас от обращения в господствующую ныне веру великой школы медицинского материализма, с точки зрения которой все, кто видел то, чего не видим мы, суть *détraqués*², дегенераты, невротики, психопаты, ипохондрики и эпилептики.

Разумеется, подобные определения не проясняют почти ничего, а в большинстве случаев и вовсе бесполезны, особенно, если речь идет о мистических состояниях. Они всего лишь открывают великолепную лазейку, через которую может ускользнуть невежда, столкнувшийся с проблемой, для решения которой ему не хватает сил или мозгов.

Спору нет, что неразборчивость, с которой подходят к оценке западных магических и мистических систем многие мыслители, в иных отношениях весьма проникательные, объясняется отчасти, если не полностью, тем хаосом, который царил среди всех этих систем на протяжении последних двух тысяч лет.

Древние ритуалы и гимны Египта и Ассирии, сочиненные тысячи лет тому назад, даже в наши дни кажутся правдивее и проще, нежели те невероятно запутанные системы, что появились на свет за первые пять столетий христианской эры. На Востоке же с самой глубокой древности и по сей день все поголовно, от мала до велика, следовали в своей повседневной жизни принципам научного иллюминизма, несмотря на все искажения, которые вносили в эти принципы невежественные жрецы, нелепые суеверия и наука, падшая до статуса божественного откровения вместо того, чтобы вознестись до звания высокого искусства.

Над умами всех жителей Запада, от северных морей до Средиземного, вот уже пятнадцать столетий безраздельно властвует христианство. Изначально оно было лишь одной из множества крошечных сект, расплодившихся, как грибы, на великолепных обломках религий Древнего Египта, Вавилонии и Греции, но очень быстро (благодаря своему воинственному духу и глубоко магической сути своих обрядов) переросло, а затем и растоптало своих более слабых собратьев³; едва набравшись сил, оно с такой свирепой яростью принялось истреблять всех соперников, что те немногие, кто в душе так и не примкнул к Церкви, были вынуждены — из чувства самосохранения и ради спасения изрядно потрепанной, но по-прежнему драгоценной для них шкуры собственных убеждений, — прикрыть последнюю пестрыми лохмотьями суесловия и нелепой мишурой

¹ Ресежак, Эдуар (1853—1897) — французский философ. Английский перевод его основного труда «Очерки основ мистического знания» был опубликован в 1899 году.

² «Сумасшедшие, чокнутые» (фр.).

³ Ранее христианство не знало себе равных в искусстве ассимиляции всех языческих черт, отличавших политеистические верования. В результате ему удалось завоевать симпатии широких народных масс, которые и в те времена были по природе своей ничуть не менее консервативными, чем ныне. — *Примеч. авт.*

всевозможных символов и шифров; в результате хаос громоздился на хаос до тех пор, пока последние остатки смысла не были погребены под толщей грубейшего мракобесия. И все же имеющий глаза по-прежнему способен разглядеть сквозь всю эту тьму сиянье некой великой, прекрасной и чарующей Истины.

Итак, не стоит удивляться, что ныне, во дни засилья интеллектуальной поверхностности, почти каждый, кому довелось изучить или хотя бы краем уха услышать теории какого-нибудь очередного модного ничтожества, не долго думая отправляет на свалку истории те учения и системы, которые некогда были солью земли — и остаются ею, в сущности, по сей день, хотя догадываются об этом лишь немногие.

Истина есть Истина; то, что было Истиной вчера, остается Истиной и сегодня, а то, что является Истиной сегодня, останется ею и завтра. Таким образом, цель нашей работы заключается в том, чтобы найти Истину и отделить ее зерно от плевел — текст от комментария.

Казалось бы, разумнее всего начать с самого начала; но если мы займемся промывкой золотого песка с 10000-го года до нашей эры, то едва ли успеем добраться до современности даже за всю свою жизнь. Утешает то, что на самом деле в наших поисках нет нужды ни забираться в прошлое, ни рассматривать какие бы то ни было предметы, чуждые нашему истинному «я». Но если мы хотим, чтобы результаты наших изысканий были понятны и другим людям, нам понадобятся, во-первых, некий алфавит и, во-вторых, некий язык, при помощи которых мы сможем выражать свои мысли; ибо в отсутствие сколько-нибудь внятной системы выражения нам остается только молчать, дабы не усугублять и без того чудовищный хаос своим путаным бормотанием.

Всякий, кто дочитал до этого места, непременно заявит: «Спорю на что угодно, автор этой книги и сам не без греха!» На что мы ответим со всем возможным смирением: да, это правда. Как ни прискорбно, мы и впрямь внесли в общий котел немало путаницы, и это было неизбежно; но если, в конечном счете, нам удастся сотворить хотя бы первую, одну-единственную букву нового Алфавита, мы не станем сетовать, что этого слишком мало; напротив, мы возрадуемся, что смогли, наконец, одолеть порог, казавшийся неприступным, и что цель нашего пути, пусть и сколь угодно далекая, теперь, по крайней мере, стала видна.

В больницах на каждого пациента обычно заводят карточку, в которой делают записи обо всем течении болезни, начиная с самых первых симптомов. По этим записям врач ежедневно может судить о том, усугубляется ли болезнь, с которой он борется, или, напротив, сдает позиции. Допустим, во вторник у пациента была температура $100^{\circ 4}$; вечером ему дали выпить чашку говяжьего бульона (а до тех пор держали на строгой молочной диете); на следующее утро врач видит, что температура поднялась до $102^{\circ 5}$, и тотчас делает вывод, что менять диету еще рано; говяжий бульон, соответственно, отменяют, и температура падает.

Итак, хороший врач будет внимательно изучать своего пациента, не упуская из виду даже самые, казалось бы, незначительные детали, которые могут помочь ему достичь поставленной цели — полного излечения и выздоровления.

Этот метод тщательной регистрации всех деталей применяется не только в отношении болезней и недугов, но и во всех областях нормальной здоровой деятельности, и имя ему — «профессия»: настоящий профессионал — тот, кому удастся превратить дело своей жизни из «неразберихи» в «науку».

Изо всех подобных областей на Западе одна только религия так и не вышла из хаоса; но вот, наконец (хоть и поздно) пробил час, когда адепты должны без страха и трепета встать и сделать для Веры то же, что Коперник, Кеплер и Ньютон сделали для сфер, в просторечии именуемых Наукой. А поскольку Вера, состарившись до срока, держала Науку в ежовых рукавицах и не давала ей развиваться, то ныне, пока Наука еще

⁴ 100° по Фаренгейту, т.е. около $37,8^{\circ}\text{C}$.

⁵ Около $38,9^{\circ}\text{C}$.

молода, мы должны поскорее выйти вперед и заявить о своих правах, дабы это Дитя Рассвета не погибло в зубах вновь наступившей Ночи.

Даже тем, кто еще совсем недавно вступил на путь постижения таинств, должно быть очевидно, что в жизни некоторых людей, если и не в их собственной, подчас случаются мгновения, несущие с собою невероятное чувство внутренней правоты и осознания истины; мгновения, которые определяют собою целые эпохи в нашей жизни и, даже оставшись в прошлом, по-прежнему проступают из мглы былого величавыми горными пиками, сияющими в свете луны. Как ни печально, такие мгновения редки — редки настолько, что многие вспоминают их как чудесные нисхождения некоей могущественной силы, внешней и несоизмеримо большей по отношению к человеку. Но когда они все же приходят, величайшие радости земные рассыпаются перед ними в прах, как сухие листья в огне, и меркнут на небосклоне нашей души, как ночные звезды перед восходящим солнцем.

И если бы мы могли, так сказать, по собственной воле вызывать эти состояния экстаза, или обмана чувств, какое имя ни дай, мы совершили бы то, что некогда звалось, да и по сей день зовется Великой Работой, и обрели бы Камень Мудрецов, этот универсальный растворитель. Страданье иссякло бы и уступило место радости, а радость — блаженству, невообразимому для тех, кто еще не испытал его.

Святой Хуан де ла Крус⁶ говорит о высочайших «понятиях», в которых Бог открывается душе человека:

[Бог] обогащает таким способом [субстанцию души] — чего не только достаточно для того, чтобы разом устранить все несовершенства души, на устранение которых ей самой бы всей жизни не хватило, но еще и даровать ей полноту добродетелей и благ Божиих. И таковы сии сладости и интимные радости сих прикосновений, что одни они уже даруют ей довольную награду за все труды, которые претерпевает в жизни сей, хотя бы и были они бесчисленны; и тогда она так взбодрена и так пылка к перенесению многого ради Бога, что для нее особое страдание заключено в видении того, что не терпит еще большего⁷.

В давние времена, когда цивилизованному человеку была известна лишь малая часть земного шара, исследователь и путешественник возвращался домой с невероятными, фантастическими рассказами о длинноруких косматых людях, о немыслимых чудовищах и о странах дивных чудес. Но современный путешественник, которому случится увидеть гориллу, жирафа или, допустим, вулкан, забывает упомянуть об этом даже в обычном письме родным. А почему? Да потому, что он привык, что подобные вещи существуют. Он дал им имена, и на этом они стали ему неинтересны. Так он, с одной стороны, утвердил великую истину, а с другой — перечеркнул ее великой ложью: выходит, что все его благоговение, так же, как и презрение, зависят только от имени.

Иное дело — адепт. Как зоолог не теряет интереса к роду человекообразных от того, научился называть длинноруких косматых людей гориллами, так и адепт,

⁶ Хуан де ла Крус (1542—1591) — испанский католический святой, писатель и поэт-мистик, реформатор ордена кармелитов. В своих трудах описывал методы глубокого очищения тела и души, ведущие к экстатическому единению с Богом. Из его прозаических работ наиболее известны трактаты «Восхождение на гору Кармель» и «Темная ночь души».

⁷ Профессор Уильям Джеймс пишет: «Великие испанские мистики, экстаз которых доходил до крайних пределов, проявляли, в большинстве случаев, неукротимую деятельность духа, и энергия их еще усиливалась от тех трансов, в которые они впадали». И далее, о святом Игнатии: «Святой Игнатий был мистиком, но его мистицизм сделал его одним из самых выдающихся деятелей, которых когда-либо видел мир». — *Примеч. авт.*

— Хуан де ла Крус. Восхождение на гору Кармель, 26, 6—7 (анонимный русский перевод).

— Уильям Джеймс. Многообразие религиозного опыта, указ. соч., лекция XVII.

научившись изъясняться понятно и доносить образы своих мыслей в точности до сознания других людей, только отвеивает тем самым зерно от мякины, Истину — от Символа Истины.

И когда святой Хуан де ла Крус говорит нам, что Бог одним-единственным видением может вознаградить нас за страдания всей нашей жизни, мы, живущие ныне, во дни веротерпимости, всецело вольны воскликнуть в ответ: «Да!» или «Нет!». Мы можем пойти и дальше: превознести святого Хуана как второго Джорджа Вашингтона или, наоборот, обозвать его «чертовым лжецом» (а если не захотим показаться грубыми, то «невропатом» или еще как-нибудь помягче). Но все эти слова, которыми мы можем его назвать, не объясняют сути. Все они в равной мере невняты и даже (как ни забавно это звучит) мистичны — и как таковые принадлежат Царству Зороастра⁸, то есть области чистой веры: веры либо в святого Хуана, либо во что-то, противоположное святому Хуану.

Так давайте же позаимствуем у Пиррона⁹ — этого скептика, этого зоркого мужа науки, — его любимое словцо «Почему?» и применим его к нашим «Да!» и «Нет!», подобно врачу, вопрошающему самого себя и своего пациента о причинах болезни; и довольно скоро мы придем к некоему логическому умозаключению или, по меньшей мере, достигнем такой точки, с которой можно будет к нему прийти¹⁰. Это та самая точка, с которой о трудах землепашца не судят раньше срока, но лишь тогда, когда дерево, посаженное им, принесет свои плоды; и тогда будет познано оно по плодам его, и по плодам его будут судить¹¹.

Своевременное применение слова «Почему?» и составляет самую суть того, что мы называем научным иллюминизмом¹², — науки о том, как не говорить «Да», не убедившись, что это действительно ДА, и не говорить «Нет», не убедившись, что это действительно НЕТ. «Почему?» — самое важное слово в нашей жизни, краеугольный

⁸ *Зороастр* — здесь: псевдо-Зороастр, легендарный маг и астролог, почитавшийся в эллинистическую эпоху как автор ряда эзотерических трудов и, в том числе, знаменитых «Халдейских оракулов».

⁹ *Пиррон* — древнегреческий мыслитель IV века до н.э., основатель школы скептицизма. Полагал, что вещи недоступны познанию, а потому следует воздерживаться от каких бы то ни было суждений о них. Испытал влияние буддизма, познакомившись с этим учением благодаря встречам и беседам с индийскими гимнасофистами (йогами) и магами.

¹⁰ «Никогда в области естественных наук никто не позволил бы себе отвергать чьи-либо мнения из-за того, что автор их показался бы ему невропатом. Мнения в этой области всегда испытываются на пробном камне логики и опыта, какова бы ни была при этом нервная система их автора. Так же следовало бы поступить и с религиозными воззрениями» ([У. Джеймс], «Многообразие религиозного опыта», [лекция I]). — *Примеч. авт.*

¹¹ «Среди противников сверхъестественного происхождения религии доктор Модсли лучше других использовал этот аргумент [т.е., аргумент о ее патологическом происхождении]. И тем не менее он вынужден был сказать: “Какое право имеем мы думать, что природа обязана выполнить все свои задачи только с помощью нормальных умов? В уклонении от нормы разума она может найти более удобное орудие для выполнения ее замысла. Важно лишь то, что работа выполняется и что качества работника таковы, что он может ее выполнить. И с космической точки зрения совершенно безразлично, что этот работник представляется на чей-нибудь взгляд лицемером, развратником, эксцентриком или безумцем <...> Таким образом, мы возвращаемся старому критерию истины, именно — к согласному мнению большинства людей или к авторитету тех, кто стоит на известной ступени образования и опыта” (H. Maudsley. *Natural Causes and Supernatural Seemings*. 1886, pp. 256, 257).

Другими словами, для Модсли решительным критерием ценности верования является не его происхождение, а вся сумма его результатов. Этот эмпирический критерий приняли и мы в настоящем исследовании. К нему же, в конце концов, бывают вынуждены прибегать и самые горячие защитники сверхъестественного происхождения» ([У. Джеймс]. Многообразие религиозного опыта, [лекция I]).

Выражаясь попросту, «не попробуешь — не узнаешь», а ругать повара, не отведав блюда, — пустая трата времени. — *Примеч. авт.*

Модсли, Генри (1835—1918) — английский психиатр и философ-позитивист, последователь Чарльза Дарвина, основоположник эволюционного направления в психиатрии. Цитируется его работа «Естественные причины и сверхъестественные ощущения» (1886).

¹² Или пирро-зороастризм. — *Примеч. авт.*

камень Храма, замок свода и тот самый цеп, что отделяет зерно от мякины, то самое решето, через которое проходит Ложь и отсеивается Истина. Это ось равновесия, стрелка солнечных часов; и если мы научимся правильно читать показания этой стрелки, она всегда будет точно показывать нам, какого часа нашей жизни мы достигли.

Пренебрежение к этому слову повергало в прах целые царства; уважение к нему созидало империи; а единственный его заклятый враг — то, что мы называем догмой.

Как только человек произносит «Да», не потрудившись спросить «Почему?» он тотчас превращается в догматика — вероятного, если не уже готового лжеца. Именно по этой причине мы так ожесточенно противостоям современным рационалистам¹³ и критикуем их так язвительно. Ибо они творят с Дарвином, Гексли и Спенсером то же самое, что ранние христиане сотворили с Иисусом, Петром и Павлом: они уже идеализировали их и вот-вот обожествят. Если не вмешаться немедленно, их слово очень скоро превратится в СЛОВО, место Книги Бытия займет «Происхождение видов», а христианина, принимающего за Истину слово Иисуса, заменит рационалист, принимающий за Истину слово Дарвина.

«Но ведь существуют же и настоящие ученые! — скажете вы. — Существуют те, кто молча трудится в своих лабораториях, вечно во всем сомневаясь и не принимая на веру ни единой, пусть даже самой замечательной теории, пока она не разрешится точными фактами». Мы не спорим, но ведь существуют и маги! И осколки их мудрости, спасенные от костров христиан, ныне кажутся людям подлинным чудом. Не кто иной, как христиане, уничтожили магию Христа; и не кто иной, как рационалисты, если мы оставим их в покое, уничтожат магию Дарвина, — так что лет через четыреста последователи Геккеля в залах Королевского общества разорвут на куски какого-нибудь запоздалого ученика Ламарка, точь-в-точь как последователи святого Иоанна в Церкви Христовой некогда разорвали Гипатию, ученицу Платона.

Мы ничего не имеем против ученых — и ничего не имеем против великих мистиков. Честь и хвала тем и другим! Но тех *последователей* ученых и мистиков, которые принимают их учение за догму, мы безо всякого стеснения называем проклятием, бичом и чумой человечества.

Почему мы должны считать, что лишь одна какая-то система воззрений может быть истинной? Если вы найдете ответ на этот вопрос, вам останется лишь заявить, что все остальные системы ложны. Но начните с чистого листа и пишите на нем красиво и аккуратно, чтобы все остальные смогли прочитать вас без ошибок; если вы возьмете какой-нибудь древний исписанный пергамент, соскребете с него старые письма, а затем кое-как нацарапаете поверх свои, непременно найдутся такие читатели, что поймут вас превратно.

Если Осирис, Христос и Магомет были безумны, то, воистину, безумие и есть ключ ко вратам Храма. Но если их только называли безумцами за то, что мудрость их превосходила всякое человеческое разумение, то, спрашивается, почему их вероучения несли с собою преступления фанатизма и ужасы безумия? На это мы отвечаем: да, они любили Истину, да, они связали себя с Истиною крепкими узами, но объяснить Истину они так и не смогли. Поэтому их ученикам ничего не оставалось, как принять за Истину символы Истины, не имея возможности ни спросить «Почему?», ни отвергнуть Истину вовсе. Чем более великим был Учитель, тем менее он был способен объясниться, а чем темнее были его объяснения, тем более густая тьма воцарялась в умах его последователей.

¹³ «...мы принуждены <...> признать, что рационализм знает лишь об относительно поверхностной стороне духовной жизни человека. Без сомнения, эта сторона пользуется общим признанием потому, что ей служат все средства языка, она может засыпать вас доказательствами, разоружить логикой, разбить словами. Но все это бессильно поколебать вашу уверенность в тех случаях, когда ваша не укладывающаяся в слова интуиция идет в разрез с умозаключениями рассудка. Источник этих интуиций лежит в нашей природе гораздо глубже той шумно проявляющейся в словах поверхности, на которой живет рационализм». ([У. Джеймс]. Многообразие религиозного опыта, [лекция III]). — *Примеч. авт.*

Снова и снова свет затмевал темноту. Можно научить бушмена прибавлять один к одному, и, возможно, через какое-то время он уловит суть понятия «два»; но не пытайтесь сразу же втолковать ему дифференциальное исчисление! Первая процедура сродни изучению естественных наук, вторая — постижению наук духовных; поэтому нам надлежит, не жалея сил, прорабатывать и уточнять даже самые, на первый взгляд, бессмысленные, самые незначительные нюансы, и тогда, быть может, в один прекрасный день мы научимся не только прибавлять один к одному, но постигнем и миллион, и миллионную долю единицы.

Завершим эту часть нашего предисловия двумя пространными цитатами из великолепной книги профессора Джеймса. Первую из них приведем с небольшими сокращениями.

Религиозно настроенные умы обращают главное внимание на ужас или красоту явлений, на «обет», заключающийся в утренней заре и радуге, на «вещание» грома, на «прелесть» летнего дождя, на «величие» звездного неба, а не на законы, управляющие этими явлениями. И совершенно так же, как в старину, религиозный человек скажет вам, что в одиночестве, в своей комнате или среди полей он ощущает присутствие Бога, что на его молитвы Бог отвечает ниспосланием помощи и что жертвы, приносимые им невидимому существу, дают ему чувство спокойствия и душевного мира.

Но это, ведь, анахронизм! скажет теория пережитков, — анахронизм, который может быть устранен, если освободить человеческое воображение от пут антропоморфизма. Чем меньше будем мы смешивать индивидуальное с космическим, чем больше будем мыслить в общих и безличных терминах, тем более высокие научные истины будут нами познаны.

Вопреки тому ореолу величия, которым окружено безличное мышление науки, я полагаю, что оно в известной степени поверхностно; изложу в кратких словах, на чем основано это мнение. Пока мы мыслим в космических и общих терминах, мы имеем дело только с символами реальности, но как только мы приближаемся к частным и индивидуальным явлениям, как таковым, — мы касаемся уже подлинных реальностей в точном смысле этого слова. Я полагаю, что смысл моих слов вполне ясен.

Мир нашего опыта состоит всегда из двух сторон — субъективной и объективной. Последняя может быть неизмеримо более интенсивной, чем первая, и, тем не менее, она никогда не сможет вытеснить или подавить ее. Объективная сторона есть сумма всего, что мы мыслим в данный момент, субъективная — внутреннее «состояние», в котором протекает мышление. Мыслимые нами объекты могут быть огромны — например, космические промежутки времени и пространства, тогда как соответствующее им внутреннее состояние — совершенно незаметным и скромным проявлением нашей душевной жизни. И, тем не менее, космические объекты, поскольку они даны опыту, являются лишь идеальными образами того, существование чего мы не можем внутренне познать и только внешне отмечаем, тогда как внутреннее состояние является нашим реальным опытом; реальность этого состояния и реальность нашего опыта представляют нераздельное единство. Поле сознания плюс мыслимый или чувствуемый объект его, плюс наше отношение к этому объекту, плюс ощущение самого себя как субъекта, которому принадлежит это отношение, — вот наш конкретный реальный

опыт; он может быть очень узок, но он, несомненно, реален, пока существует в сознании; это не пустота, не отвлеченный элемент опыта, каким является «объект», взятый сам по себе. Это подлинный факт, даже если допустить, что он малозначащ; он качественно тождествен всякой истинной реальности и лежит на линии, связующей реальные события. Неотъемлемое чувство своей личной участи, личное ощущение того, как она разворачивается при вращении колеса судьбы, порождено, может быть, человеческим эгоизмом, его можно заклеить, как ненаучное, — но это единственная сила, определяющая степень нашей жизненной активности; и всякое существо, которое было бы лишено этого чувства или чего-нибудь ему аналогичного, было бы лишь полузаконченной частью реальности.

Если это так, то со стороны науки нелепо утверждать, что эгоистические элементы опыта должны быть подавляемы. Ось реальности проходит исключительно через эгоистические центры, которые нанизаны на ней, как четки. Описывать мир, исключая из него многообразные чувства личной участи и разнообразные духовные состояния, — а ведь они точно так же подаются описанию, как все другое, — значит подать напечатанное меню вместо сытного обеда. Религия не делает таких ошибок. <...>

Если вместе с печатным меню вам подадут настоящую ягоду изюма, вместо одного только слова «изюм», и настоящее яйцо, вместо слова «яйцо», то это будет очень недостаточным обедом, но будет, во всяком случае, чем-то реальным. Утверждение «теории пережитков», что наше мышление должно считаться только с безличными элементами, похоже на требование, чтобы в питании мы удовлетворились одним чтением меню. <...> Из того, что наши предки так ошибочно понимали факты и включали эти ошибки в свою религию, вовсе не следует, что мы должны отказаться от религиозности вообще. Только в религиозной жизни касаемся мы подлинной реальности в той единственной точке ее, которая доступна нам. Наша жажда знания, в конце концов, тесно связана с желанием проникнуть в тайны нашей личной участи¹⁴.

<...>

Но пойдём дальше признания субъективной полезности религии и проанализируем ее интеллектуальное содержание.

Во-первых, есть ли во всех противоречащих друг другу религиозных убеждениях некое общее ядро, на котором все они единодушно сходятся?

И во-вторых, можем ли мы признать это ядро истинным?

Я начну с первого вопроса и без колебания дам на него утвердительный ответ. Боги и верования различных религий, конечно, противоречат друг другу, но существует однообразное явление, общее для всех религий: это душевное освобождение. Оно складывается из двух частей: 1) душевное страдание и 2) освобождение от него.

Страдание, сведенное к простейшей своей форме, состоит в чувстве, что со мной, каков я есмь теперь, происходит что-то дурное.

Освобождение состоит в чувстве, что я спасен от зла благодаря приобщению к высшим силам.

¹⁴ У. Джеймс. Многообразие религиозного опыта, лекция XX.

В тех достигших довольно высокого развития душах, которые были исключительным предметом нашего изучения, страдание, как мы видели, имеет нравственный характер, а спасение принимает мистическую окраску. Я думаю, что мы останемся в пределах того, что общо всем этим душам, если сформулируем сущность их религиозного опыта такими словами:

*Личность, страдающая от своего несовершенства и сознающая его, до известной степени преодолела уже это несовершенство в своем сознании и находится уже в возможном общении с чем-то высшим (если существует нечто высшее). В человеке, наряду с дурной его стороной, есть лучшие, хотя бы в виде беспомощного зародыша. Нет возможности установить, с какой из этих сторон отождествляет свое истинное «я» человек на первой стадии этого процесса; но когда наступает вторая стадия (стадия освобождения или спасения), то человек определенно отождествляет свое истинное «я» с упомянутым зародышем лучшего существа в себе. **Вот как это происходит: человек начинает сознавать, что эта высшая часть его существа родственна чему-то проявляющемуся во внешнем мире, общему с ней по качеству, но бесконечно превосходящему ее; в то же время он постигает, что может приобщиться к этому «нечто» и спастись, если его низшее «я» будет окончательно им подавлено**¹⁵.*

Эти последние несколько строк подводят нас непосредственно к герою всей нашей книги —

БРАТУ Р¹⁶.

Но прежде, чем перейти к его истории, отвлечемся на историю далеко не столь существенную, а именно, ту, что приключилась с составителем этой книги.

Десять лет он прожил скептиком — в том смысле этого слова, который обычно вкладывают в понятия «неверующий», «атеист» и «вольнодумец»; но затем внезапно, в единый миг, он собрал в кулак весь свой скептицизм, направлявшийся прежде против религии, и обрушил его на само вольнодумство; и, как первая рассыпалась прежде во прах, так и второе теперь рассеялось дымом.

Он не страдал душой, не восставал на самого себя; он просто свернул за поворот своей привычной дороги и вдруг увидел, что могучий горный кряж в шапках снегов, на который он до сих пор взирал с восхищением, — на деле всего лишь гряда серых туч. Он лишь улыбнулся тому, что его провели, как ребенка, и двинулся дальше.

Вскоре после того он познакомился с одним из братьев Ордена А.: А.:, а спустя немного времени и сам прошел посвящение в первую степень этого Ордена.

В Ордене этом состоял некий брат по имени Р., недавно вернувшийся из Китая; шестью годами ранее Орден отправил его объездить весь мир и собрать отовсюду, насколько возможно, все знания, связанные с мистическим опытом человечества. Брат Р. исполнил эту задачу, приложил к тому все свои силы. Он успел побывать только в Европе, Египте, Индии, на Цейлоне, в Китае, Бирме, Аравии, Сиаме, Тибете, Японии, Мексике и Соединенных Штатах Америки, но все же обрел познания столь глубокие и понимание столь возвышенное, что Орден счел собранные им материалы и свидетельства

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Брат Р.* (Perdurabo) — магический девиз Алистера Кроули на степени Неофита (0°=0°) Герметического ордена Золотой Зари. В переводе с латыни означает «Претерплю до конца» и восходит к евангельскому изречению «...претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24:13).

достаточными для создания некоей книги в наставление человечеству. И так как Брат N.S.F.¹⁷ неплохо владел пером, то дневники и записки Брата Р. передали ему и еще одному собрату и поручили им составить из них такую книгу, которая послужит в помощь искателю таинств и встанет при дороге его, полной опасностей и тягот, как гостеприимный трактир, где добрые яства и вина укрепят его тело и даруют бодрость душе.

Итак, мы питаем надежду, что эта книга будет ему опорой во всех затруднениях, в каких только может помочь наемный проводник или совет, полученный даром; но при этом мы просим нашего путника — и даже повелеваем ему со всею строгостью Ордена А.:А.: — не принимать ни одно наше слово за Истину, не проверив его сперва и не убедившись, к вящему удовольствию своему и к нашей чести, что это доподлинно так.

И еще надеемся мы, что, дочитав до конца эту книгу, он ощутит, что в душе его просветлело; и узрит пред собою — пусть хотя и бы как сквозь стекло, гадательно — смутный облик Истины; и однажды войдет во Храм.

Оставив на этом героя нашей книги, перейдем к ее содержанию.

Авгоэйд¹⁸

«Литтон в “Занони” называет его Адонаи¹⁹, и это имя я часто использую в своих записных книжках.

Абрамелин²⁰ называет его Священным Ангелом-Хранителем. Я принимаю этот вариант, потому что

1) система Абрамелина так проста и эффективна;
2) так как *все* теории мироустройства абсурдны, то лучше говорить на языке той из них, которая абсурдна со всей очевидностью, — дабы внушить смирение искателю метафизических истин;

3) это название способен понять даже ребенок.

Теософы называют его Высшим «Я», Молчаливым Свидетелем или Великим Учителем.

В Золотой Заре его называют Гением.

Гностики — Логосом.

Зороастр упоминает о том, что все эти символы соединяются в образе Льва; см. «Халдейские оракулы»²¹.

Анна Кингсфорд называет его Адонаи (“Облеченная в Солнце”)²².

¹⁷ N.S.F. — аббревиатура магического девиза «Non Sine Fulmine» (лат. букв. «Не без молнии»), в переносном смысле — «с грозной силой», «сокрушительно»), принятого Дж.Ф.Ч. Фуллером в А.:А.:.

¹⁸ Из письма Брата Р. — *Примеч. авт.*

Авгоэйд — др.-греч. букв. «подобный свету», «световидный». Этим термином у неоплатоников обозначалось «световое тело» — преображенная духовная оболочка посвященного, преодолевшего ограничения материального мира.

¹⁹ Имеется в виду «розенкрейцерский» роман Э.Дж. Бульвера-Литтона «Занони» (1842), в котором духовная сущность, руководящая магом и соискателем высших таинств, носит имя «Адон-Аи».

²⁰ См.: Авраам из Вормса. Священная Магия Абрамелина. М.: Ганга, Телема, 2007.

²¹ «Узришь ты Пламя, что реет, блистая, в потоках воздушных,
или безвидное Пламя, из коего Гласа подобье исходит,
или сияющий Свет изобильный, что мчится, вращаясь,
с ревом и грохотом; следом предстанет тебе как виденье
Конь огнеблещущий; узришь Дитя, оседлавшее крепко
спину того скакуна, облаченное в пламя иль злато,
или нагое, быть может, из лука разящее Светом,
стоя верхом на плечах жеребца, что несется по небу;
если же дольше продлится твое созерцанье святое,
все эти символы в образе Льва обретут единенье» (§198). — *Примеч. авт.*

Буддисты называют его Ади-Буддой (как утверждает Е.П.Б.)²³.

В “Бхагавад-гите” он носит имя Вишну (глава XI).

В “И цзин” он именуется “Великим человеком”.

В каббале его имя — Йехида²⁴.

Кроме того, мы располагаем метафизическими исследованиями о Его природе, более или менее глубокими сообразно тонкости того, кто о Нем пишет; ибо видение Его (а всё это суть видения одного и того же явления, лишь по-разному окрашенные влиянием наших различных Руахов²⁵), как мне представляется, есть первый и последний шаг всего Духовного Опыта. Ибо Он соответствует не только Малкут²⁶, Вратам к Пути, коий Он осеняет собою, но и Кетер (Кетер пребывает в Малкут, а Малкут — в Кетер; «что наверху, то и внизу»), так что конец «Пути Мудрецов» тоже тождествен ему.

Итак, будучи Священным Ангелом-Хранителем, Он также есть Хоа²⁷ и Дао²⁸.

Ибо *Intra Nobis Regnum del*²⁹, и, следовательно, все сущее заключено в Нас Самих, а любой Духовный Опыт есть более и менее полное Откровение Авгэйда.

Но явиться в совершенстве Он может лишь на Срединном столпе³⁰.

Итак, инвокация Авгэйда — это все, что нам нужно. Правда, она очень трудна; призывая Его, проходишь одновременно через все пятьдесят врат Бины³¹, отчасти просветленным, отчасти погруженным в заблуждения. И все же инвокация Авгэйда есть Первое и Последнее».

Книга

Эта книга состоит из четырех частей:

I. Основания Храма.

II. Опоры Храма.

III. Врата Храма.

²² Анна Кингсфорд (1846—1888) — английская исследовательница эзотерических традиций, работавшая на стыке теософии и мистического христианства. В своей работе «Облеченная в Солнце» (1889) использует имя Адонаи как обозначение одного из аспектов божества, сходного по функциям со Священным Ангелом-Хранителем.

²³ Е.П.Б. — Елена Петровна Блаватская, толковавшая термин «Ади-Будда» как «первого и наивысшего будду» или «вечный свет» («Теософский словарь»).

²⁴ Йехида — наивысшая сущность человека, квинтэссенция его души, божественная искра в человеке.

²⁵ Руах — третья часть души, разум, сила рассудка, то, что обладает знанием добра и зла. — *Примеч. авт.*

²⁶ Малкут — десятая сефира. — *Примеч. авт.*

²⁷ [Др.-евр. אֲנִי — «он, он сам»], наивысший и тайный титул Кетер. — *Примеч. авт.*

²⁸ Великий предел в «И цзин». — *Примеч. авт.*

Понятие дао может быть отождествлено с «великим пределом» (тайцзи) в силу того, что оба эти термина применяются для описания изначального состояния бытия (до выделения каких бы то ни было категорий).

²⁹ I.N.R.I. — *Примеч. авт.*

³⁰ То есть, на столпе «Умеренности», на том, справа от которого располагается столп «Милосердия», а слева — столп «Суровости». Все это — отсылки к каббалистическому Древу Жизни. — *Примеч. авт.*

³¹ Бина — третья сефира, Понимание. Она — горняя Мать (в отличие от Малкут, дольней Матери). Пониманию соответствует буква ב, числовое значение которой — 50. См. «Книгу Сокровенной Тайны», §40. — *Примеч. авт.*

В §40 каббалистического трактата «Сифра Дцениута» («Книга Сокровенной Тайны») рассматривается слово אָנִי (ANI, «я») как обозначение трех Высших сефирот Древа Жизни. С буквой א, Алеф (1) при этом соотносится Кетер, «высший венец»; с י, Йод (10) — Хокма, «основание или знание Отца», а с ב, Нун (50) — Бина, «само понимание с ее пятьюдесятью вратами славы».

IV. Храм царя Соломона.

Для просвещения и наставления читателя в ней используются три способа выражения:

- а) изобразительные символы;
- б) словесные картины, представленные посредством метафор;
- в) факты, представленные в научном изложении.

Первый способ используется в качестве дополнения во всех четырех книгах, уравновешивая, так сказать, иллюминизм и науку. Способ второй применяется почти исключительно в первой книге; картины же³², нарисованные с его помощью, озаглавлены так:

Черная Дозорная башня, или Сновидец.
Скупой, или Теист.
Транжира, или Пантеист.
Банкрот, или Атеист.
Ханжа, или Рационалист.
Дитя, или Мистик.
Распутница, или Скептик.
Раб, или тот, кто стоит перед завесой Внешнего двора.
Воин, или тот, кто стоит перед завесой Внутреннего двора.
Царь, или тот, кто стоит перед завесой Бездны.
Белая Дозорная башня, или Пробужденный.

Третий способ применяется почти исключительно во второй книге.

Третья и четвертая книги настоящего труда состоят из чисто символических картин. Ибо Ключ ко Вратам неопит должен отыскать собственными силами; а до тех пор, пока он не найдет Ключа, Храм царя Соломона перед ним не откроется.

Vale!

© Перевод Анны Блейз, 2010
для сайта <http://oto.ru/>

³² Девять картин между Светом и Тьмой, то есть, в общей сложности, одиннадцать. Это число — союз пентаграммы и гексаграммы; также обратим внимание на одиннадцатibuквенное слово АБРАНАДАБРА (418); Ахад Ошер, или Один и Десять; одиннадцать изначных сефирот; и Адонаи. — *Примеч. авт.*

АБРАНАДАБРА = אַבְרָהָאֲדָבְרָא = Алеф, 1 + Бет, 2 + Реш, 200 + Алеф, 1 + Хе, 5 + Алеф, 1 + Далет, 4 + Алеф, 1 + Бет, 2 + Реш, 200 + Алеф, 1 = 418.

Ахад Ошер (אָחַד עֶשְׂרֵי) — др.-евр. «единство, единое» и «десять».

Одиннадцать изначных сефирот — клипот, число которых увеличивается на единицу (по сравнению с десятью сефирот Древа Жизни) из-за разделение первой сефиры, Кетер, на две противоборствующие силы.

Адонаи = אֲדֹנָי = Алеф, 1 + Далет, 4 + Нун, 50 + Йод, 10 = 65 = 6 + 5 = 11.